Литература, критика и искусство

Стихотворенія

1

Надъ хаосомъ улицъ смрадным
Надъ чернымъ, зеленымъ, алымъ —
Бѣлѣютъ крестомъ прохладным
Ворота въ Смерть и Начало.

Плетясь по асфальту робко,
Двѣ клячи въ трепаныхъ перьяхъ,
Мой прахъ, въ нарядной коробкѣ,
Догнатъ до райской двери.

Въ часъ жданной мести, воскресный,
Во гнѣвѣ правдивомъ выйду:
— «Впусти и отвѣть, Безвѣстный,
За жизнь, за смерть, за обиду!»

Заводы, церкви, базары
Качнутся вдаль, расплываясь...
Ключарь Судилища старый
Откроетъ, низко склоняясь.

И будетъ день мой — Сегодня!
Прозрѣвъ въ слѣпящемъ сіяньи,
Увижу очи Господни
Навѣкъ замру въ созерцаньи...

2

Предназначенное случайно —
Какъ узнаешь его слѣды?
Пьешь вино моей горькой тайны
Словно ковшъ ключевой воды.

Одиночество несказанно —
Слѣпъ твой взоръ во взорѣ моемъ.
Только дымомъ мгновеннымъ встану
Надъ веселымъ твоимъ огнемъ.

Убивающіе безвинны —
— Каждый взоръ, какъ ударъ во мглѣ.
Самъ Господь былинки единой
Не пощадитъ на Своей землѣ.

Милосердіе безполезно —
Должный часъ возвѣститъ труба.
Все равно — надъ какою бездной
Оборвется моя судьба.

Марія Харитонова.

Bo Jin Ba. Le Livre du Dieu Vivant. ed. Robert Winspeare. Paris 1928.

«Пусть не читаетъ этой книги тотъ, кто набоженъ и вѣруетъ, — говоритъ авторъ въ введеніи, — пусть не читаетъ этой книги тотъ, кто никогда въ Богѣ не сомнѣвался. Книга написана для тѣхъ, кто запутался въ терновникѣ сомнѣній. Для нихъ она будетъ указателемъ пути».

Путь этотъ — въ волѣ. Не въ знаніи, не въ раскрытіи истины путемъ логическихъ доказательствъ, а въ постиженіи ея черезъ внутреннее испытаніе своихъ силъ, черезъ длительное напряженіе воли къ самому себѣ, чтобы обрѣсти въ себѣ царство духа и его высокія силы. Авторъ ставитъ себя внѣ религіозныхъ и философскихъ доктринъ, внѣ всякихъ религіозныхъ формъ и обрядовъ, все вниманіе обращая на человѣческое я, на внутреннія силы и работу надъ ними.

Религіозная сторона воззрѣній автора оставляетъ многое неяснымъ, требующимъ отвѣта, но указанія на внутренній опытъ, на его первенствующее значеніе и изображеніе внутреннихъ душевныхъ состояній — полны наблюдательности и большого интереса. Появленіе самой книги показательно, какъ признакъ все растущаго религіознаго исканія, жажды религіозной истины въ наши дни матеріализма и теоретическаго, и практическаго.

І. Никаноровъ.

Пострадавшимъ

отъ несч. случая на ул. въ такси, въ трам. и пр. даются БЕЗПЛАТ. совѣты прис. пов. С. КРЕМЕРЪ, адвок. Ligue de Défense des Accidentés. Обр. письм. или лично 6-7 ч. или услов. о свид. Bureau Contentieux 10, Cité Condorcet; S. A. au Capital de 1.100.000 frs. Tél: TRUDAINE 34-80

Памяти М. П. Бѣляева

Мы не очень были склонны цѣнить на шихъ выдающихся людей. Многіе ли русскіе нынѣшняго молодого поколѣнія знаютъ твердо имя просвѣщеннаго и велико душнаго мецената русской музыки? Попечительный совѣтъ для поощренія русскихъ композиторовъ и музыкантовъ возымѣлъ благую мысль издать, въ памятъ двадцатипятилѣтія со дня кончины М. П. Бѣляева, сборникъ статей и воспоминаній о немъ.

Сборникъ «Памяти Бѣляева», какъ это сказано въ прекрасно написанномъ предисловіи, «не можетъ присвоить себѣ значеніе ни біографіи, ни памятника: но это, можетъ быть, первый камень, который ляжетъ въ основу будущей біографіи». М. П. Бѣляевъ отдалъ лучшую часть своей души и все свое большое состояніе на процвѣтаніе русской музыки, завоевавшей себѣ теперь первое мѣсто въ Европѣ и Америкѣ. Кто знаетъ, безъ могучей помощи Бѣляева не осталась ли бы она и поднесь для европейской публики «невидимымъ градомъ Китежемъ»?

Наиболѣе интересными очерками въ этой росписи — для эмигрантскихъ изданій — выпущенной книгѣ являются воспоминанія А. К. Глазунова о происхожденіи идеи «издательства М. П. Бѣляева», Н. В. Арцубышева — о дѣлѣ Бѣляева и о ростѣ его капиталовъ, и Ф. Шефера, стараго сотрудника покойнаго мецената, до сихъ поръ продолжающаго работать въ Лейпцигѣ по издательству. Прекрасны статьи Р. Энгеля и Э. Фальковскаго, и живо написаны воспоминанія М. Курбанова о «Бѣляевскомъ кружкѣ и его Пятницахъ». Цѣлая эпоха и какая эпоха, — славной русской музыки — воскресаетъ передъ читателемъ этой книги, иллюстрированной портретами и группами музыкальныхъ дѣятелей. Справочный матеріалъ отнесенъ въ приложенія къ книгѣ, и здѣсь мы знакомимся съ выдающимися произведеніями русской музыки, получившими «глинкинскія преміи».

Привѣтствуя идею «попечительнаго совѣта» издать этотъ прекрасный сборникъ, мы выражаемъ надежду, что совѣтъ не остановится на полпути и подаритъ русскому обществу настоящую біографію этого славнаго «нагрюта русской музыки», плѣнительнаго «издателя — артиста» и замѣчательнаго русскаго человѣка.

Изданіемъ такой біографіи «попечительный совѣтъ» для поощренія русскихъ композиторовъ» увѣнчалъ бы достойнымъ образомъ начатый имъ памятникъ своему учредителю.

А. Плещеевъ

Художественныя извѣстія

Раскопки въ Геркуланумѣ

Раскопки въ Геркуланумѣ продолжаются подъ руководствомъ проф. Амадо Маири. За послѣднее время освобожденъ отъ земли чрезвычайно интересный домъ въ три этажа съ тосканскимъ атріумомъ. Домъ этотъ свидѣтельствуетъ объ эволюціи римскаго дома подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ факторовъ.

Выставка слѣпковъ въ Кельнѣ

Въ Кельнѣ во «Дворцѣ Выставокъ» открылась большая выставка слѣпковъ, организованная «Институтомъ международнаго интеллектуальнаго сотрудничества».

Въ устройствѣ выставки принимали участіе музеи Аѳинъ, Брюсселя, Берлина, Флоренціи, Лондона и Парижа. На выставкѣ около 1000 слѣпковъ со скульптуръ египетскихъ, ассирійскихъ, греческихъ, римскихъ, Среднихъ Вѣковъ, Возрожденія и послѣднихъ столѣтій.

Слѣпки подобраны чрезвычайно умѣло — выставка даетъ исключительно полную картину развитія скульптуры.

Аббатство мальтійскихъ рыцарей

При разрушеніи стараго дома въ Перинь янѣ найдены остатки аббатства, принадлежавшаго мальтійскимъ рыцарямъ.

По мнѣнію мѣстныхъ археологовъ, найденныя архитектурныя части относятся къ XI-му вѣку.

Литературная лѣтопись

Гоненіе на попутчиковъ, о которомъ не разъ приходилось намъ писать, нынѣ приняло въ Россіи нѣсколько новый оттѣнокъ, оставаясь не менѣе энергичнымъ и дѣйственнымъ. Сейчасъ сов. критики, объединенные крайними коммунистическими теченіями на страницахъ «Печати и революціи» пришли къ мысли о необходимости «дифференціаціи попутчиковъ».

Оказывается, само понятіе «попутчикъ» давно уже стало слишкомъ расплывчато. Не всѣ писатели, не принадлежащіе къ пролетарскому крылу сов. литературы, принадлежатъ къ группѣ попутчиковъ, какъ офиціально считалось до сихъ поръ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо дискредитируютъ званіе «попутчика» и своимъ контръ - революціоннымъ поведеніемъ бросаютъ тѣнь на всю массу попутчиковъ. «Умѣть отдѣлять буржуазныя тенденціи въ литературѣ отъ тенденцій попутническихъ — важнѣйшая задача литературной критики и всей нашей литературной политики», — пишутъ въ «Печати и революціи».

Въ данное время «о ростѣ необуржуазной литературы нужно говорить по меньшей мѣрѣ столь же серьезно, какъ въ свое время о порнографіи и упадочничествѣ», заявляетъ тотъ же критикъ и сразу же переходитъ къ «расчлененію», то - есть къ неприкрытымъ доносамъ на писателей.

«Важно видѣть *водораздѣлъ*, проходящій между попутнической и необуржуазной литературой. Если бы потребовалось указать писателя, который воплощаетъ въ себѣ наиболѣе послѣдовательно и полно отрицаніе попутничества, то по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ указать на Андрея Бѣлаго. Крайне симптоматиченъ именно съ этой стороны его романъ «Крещеный китаецъ». Когда читаешь этотъ романъ, то невольно испытываешь досаду, какъ можетъ человѣкъ такъ аккуратненько и тщательно копаться въ пустякахъ. Конечно, А. Бѣлый здѣсь идетъ своими внутренними путями, на этихъ пустякахъ замѣшивая самый густопсовой мистицизмъ».

«Кликушество (Бѣлаго) перекликается съ тѣмъ оживленіемъ религіозныхъ организацій (!), которое мы наблюдаемъ въ связи съ обостреніемъ классовой борьбы въ странѣ. Мистическія тенденціи въ литературѣ становятся однимъ изъ важнѣйшихъ каналовъ, по которымъ текутъ буржуазныя тенденціи. Это — одинъ изъ основныхъ мотивовъ необуржуазной литературы, играющій немаловажную роль въ формированіи идеологіи непповской буржуазіи».

Послѣ Бѣлаго, принимается критикъ за поэта М. Кузмина, послѣ многихъ лѣтъ молчанія выпустившаго новую книгу стиховъ. Стихи Кузмина критикъ обвиняетъ въ томъ, что они, якобы, написаны спеціально для сектантскаго радѣнія:

Что стыдиться, что жалѣть?
Разъ вѣдь въ жизни умереть!
Скидавай кафтанъ, Сережа!
Помогай намъ, Святой Боже!
И стоимъ мы посреди,
Какъ два отрока въ вещи,
Хороши и горячи.
Держись удобнѣй, никому ужъ не отдамъ,
За этотъ грѣхъ отвѣтимъ пополамъ.

Сов. критикъ находитъ, что этотъ отрывокъ «такъ и просится на страницы какого либо сектантскаго журнала». (Намъ они кажутся грязнымъ кощунствомъ).

Все это — и романы Бѣлаго, и стихи Кузмина — называется «откровенной новщиной». Сюда же, такъ сказать, въ одну кашу, мѣшаетъ критикъ еще и произведенія новыхъ, но тоже криминальныхъ поэтовъ и писателей: нѣкоего Луганца, Кириллова и, наконецъ, Мандельштама.

«Откуда это безпредметничество, являющееся свидѣтельствомъ того, что автору нечего сказать о современности, что единственнымъ его удѣломъ стало плетеніе кружевъ, вышиваніе крестикомъ или гладью салфетокъ, по примѣру какого ни будь отставного одряхлѣвшаго генерала, которому тоже ничего не осталось, кромѣ такого вегетаріанскаго занятія»?

Талантливыя строчки Мандельштама:

Нѣтъ, никогда ничей я не былъ современникъ,
Мнѣ не съ руки почетъ такой,

истолковываются критикомъ, какъ нежеланіе идти въ ногу съ сов. строительствомъ, какъ «безпардонный индивидуализмъ».

Переходя затѣмъ къ болѣе скрытымъ врагамъ сов. власти, критикъ указываетъ на И. Эренбурга, на А. Новикова (до сихъ поръ онъ считался пролетарскимъ писателемъ), на Артема Веселаго (партійнаго коммуниста), на Л. Грабаря (то же одно время — члена партіи). У всѣхъ этихъ писателей налицо — необуржуазныя тенденціи, которыя враждебны рабочему классу. Критикъ переходитъ къ крестьянскимъ поэтамъ, которые «продали шпагу свою» попу.

«Вотъ что писалъ Орѣшинъ въ 1917 году:

Каждый плугъ разодѣну въ кумачъ,
Кумачами украшу коней.
— Эй, дорогу, всесвѣтный богачъ,
Дай дорогу деревнѣ моей!

А въ 1927 г. онъ пишетъ уже совсѣмъ по другому:

Далекій сонъ, прекрасный сонъ
Приснился и пропалъ.

Орѣшинъ не одинъ. За нимъ идутъ Клычковъ и другіе. Разбору, кто другъ, кто врагъ, посвящаются обширныя статьи въ толстыхъ журналахъ. И другъ возвеличивается открытыми въ немъ добродѣтелями, ничего съ литературой общаго не имѣющими, а врагъ поверженъ, если не на всегда, то на время, и имя его запишется на черныхъ доскахъ ГПУ.

***

Вышелъ новый (шестой) номеръ «Красной нови». Въ немъ напечатаны отрывки изъ романа Скитальца «Домъ Черновыхъ» — все того же самого, изъ котораго года три тому назадъ мы уже читали нѣкоторыя главы. Затѣмъ находимъ продолженіе автобіографіи Подъячева «Моя жизнь», продолженіе романа «Фарфоровый городъ» нѣкоего Перегурдова (въ центрѣ романа, какъ и во многихъ другихъ сов. произведеніяхъ, стоитъ заводъ и его администрація) и разсказъ Сотсова «Троглодиты» изъ солдатской жизни.

Въ «Троглодитахъ» имѣется вводный разсказъ одного изъ героевъ о любви итальянской дѣвушки, увидавшей любимаго человѣка «во всей мужицкой красотѣ» — это своего рода шедеврь. Беллетристическій отдѣлъ «Красной нови» можетъ внушить серьезныя опасенія за лирическія способности его редакторовъ.

Гулливеръ

× Въ польскихъ «Литературныхъ Вѣдомостяхъ» помѣщены прекрасные переводы ряда стихотвореній Пушкина, принадлежащіе перу знаменитаго польскаго поэта Юліана Тувима. Ему же принадлежитъ точный и красивый переводъ «Мѣднаго Всадника».

Рисунки Рубенса

Въ Вѣнѣ, въ одной изъ частныхъ библіотекъ, обнаружена папка съ четырнадцатью рисунками, по мнѣнію осматривавшихъ ихъ знатоковъ принадлежащихъ каранду шу Рубенса. Рисунки эти — эскизы къ ряду извѣстныхъ картинъ, въ томъ числѣ — къ «Распятію» Антверпенскаго музея и «Снятію съ Креста» Антверпенскаго собора.

Непринятыя рукописи не возвращаются, и ни въ какую переписку по поводу нихъ редакція «Возрожденія» не вступаетъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. Три серпа. Московскія любимыя легенды. Кн. 2-ая. Изд. Таиръ. Парижъ 1929.

Алексѣй Ремизовъ только что выпустилъ второй сборникъ легендъ - сказаній о св. Николаѣ, чудотворцѣ мирликійскомъ.

Эта книга, неразрывно связанная по духу и стилю съ первымъ сборникомъ, носящимъ тоже названіе, какъ бы дополняетъ его, раскрываетъ передъ нами еще глубже вселенскую миссію Николы, заступника обездоленныхъ, вѣчно болѣющаго за темную, грѣховную человѣческую душу.

Угодникъ милостивый глядитъ на насъ ласково, всегда дѣйственный, живой, всегда на посту...

Сердцемъ взволнованнымъ чувствуемъ мы поступъ святителя, слышимъ его, понятныя всѣмъ, земныя слова.

Въ той простотѣ народнаго говора, — лучистая, радостная теплота. Она захватываетъ читателя подлиннымъ пафосомъ крѣпкой мужицкой вѣры, явственнымъ ощущеніемъ чуда.

Сѣденькій старичекъ, немощный, убогій, во-время встрѣтится на пути, дастъ совѣтъ, приласкаетъ, глядишь, — и нѣтъ самого, сгинулъ въ кустахъ, пропалъ во тьмѣ придорожной, а сбылось все, какъ сказалъ, — только сердце бьется частыми ударами, не понять, не осилить сердцу тайны чудеснаго.

Превосходно передано Ремизовымъ «житіе» св. Николая въ занимательномъ по колориту разсказѣ «Чудотворецъ».

Въ нѣсколькихъ словахъ — цѣлая картина, — жизнь.

Родители его Епифаній и Нонна, братъ, тоже Николай, священникъ Кононъ, обучившій его грамотѣ, — всѣ передъ глазами, — живые свидѣтели его дѣтства и юности, смертные современники его грядущаго безсмертія въ душѣ народной.

Ликъ Николая — милостиваго, «нашего» Николы, особенно свѣтелъ и ясенъ въ тѣхъ небольшихъ разсказахъ Ремизова, гдѣ мѣстомъ чудесъ святителя является безкрайная русская земля.

Все здѣсь у автора трогательно, правдиво. Слова сами плывутъ въ душу, поднимаютъ мысль къ Богу, къ тайникамъ слѣпой, безпредѣльной вѣры.

Ремизову, однако, не всегда удается выдержать единство стиля.

Старая привычка къ затѣйливымъ словечкамъ, къ излюбленному, чисто ремизовскому, «юродству» ясно обнаруживается въ нѣкоторыхъ «сказахъ» сборника.

Совершенно неожиданно, но нарочито намѣренно, смѣшиваетъ онъ въ разсказахъ далекія, почти легендарныя времена съ тусклыми буднями нашихъ дней.

Мы не можемъ признать, что такого рода «трюки» содѣйствуютъ чистотѣ и выдержанности стиля... Есть что то непріятное, пожалуй, даже оскорбительное, въ перенесеніи той нашей повседневности въ сказаніе, хотя бы и стилизованное, о житіи святого.

Такъ напримѣръ въ «Кипарисѣ» Ремизовъ пишетъ:

«Лучшій Александрійскій авіаторъ предложилъ свой аппаратъ доставить архіепископа въ Александрію. И, когда аэропланъ благополучно снизился въ Мирахъ и высвобожденный изъ кабинки архидіаконъ, одергиваемый пилотомъ, передалъ письмо архіепископу, слезы покатились на глазахъ архіепископа»...

Въ разсказѣ «Урсъ» эти ухищренія Ремизова выступаютъ особенно рѣзко и некстати.

Приведемъ слѣдующій небольшой отрывокъ:

«Былъ въ Патарахъ одинъ человѣкъ. Не простой — Урсъ. И было у этого Урса три дочери. Очень ихъ любилъ отецъ и никогда съ ними не разставался.

Большой городъ — жизнь жадная, цѣпкая: подавай безъ никакихъ, или пропалъ! Выйдите днемъ, станьте гдѣ-нибудь у Опера или у Мадленъ, посмотрите кругомъ — идетъ народъ, какъ стѣна!».

Въ этомъ разсказѣ все перемѣшано, стерты всѣ грани и вѣхи жизни. Тутъ и дѣвушки, которыя «чтобы жить въ такомъ городѣ морды куклам раскрашиваютъ», и Урсъ, что на «соммье» лежитъ — размышляетъ, и самъ младшій священникъ Патарской церкви — чудотворецъ Николай, и древнія Патары, которыя гремятъ на весь міръ, «банки и самая разнообразная «надстройка» искусствъ, магіи и развлеченій (Александрія подъ бокомъ)» и даже — «Вставай проклятьемъ заклейменный»...

Справедливость, все таки, требуетъ признать, что въ «Трехъ · серпахъ» такихъ «сказаній» немного. Потому то и есть на чемъ отдохнуть, обрадоваться нечаянной встрѣчью съ Николой, почувствовать за собою его шаги, сохранить въ сердцѣ взглядъ ласковый — свѣтъ благодати.

Игорь Воиновъ.

ИСТОРІЯ ЕВРОПЫ ВЪ КРАТКОМЪ ОБЗОРѢ

EDWARD A. FREEMAN. HISTOIRE DE L'EUROPE. Edition française par A. Parmentier, Payot. 1929.

Книга представляетъ конспектообразное обозрѣніе европейской исторіи и полезна для бѣглаго ознакомленія съ той или иной исторической эпохой. Исторія внѣшнихъ событій въ объемѣ очень элементарномъ. Объ элементарности и бѣглости можетъ дать представленіе малые размѣры книги, содержащей всего 240 страницъ.

Такая сжатость — недостатокъ книги, потому что при удвоенномъ объемѣ можно было бы внести нѣкоторыя типичныя подробности въ характеристики того или другого отрѣзка времени. Три царствованія: Людовика XVШ, Карла X и Людовика-Филиппа занимаютъ въ книжкѣ 19 строкъ! Зато въ нѣсколько минутъ можно освѣжить въ памяти цѣлую эпоху по ея самымъ выдающимся вѣхамъ.

Вотъ, напримѣръ, образованіе трехъ государствъ во второй четверти минувшаго вѣка. Приводимъ для того, чтобы дать представленіе объ изложеніи:

Объединеніе Нидерландовъ въ одномъ государствѣ не имѣло счастливыхъ результатовъ. Сѣверныя области... и южныя... отличались другъ отъ друга по вѣроисповѣданію и также по языку. Въ 1830 году южныя провинціи возмутились, и королевство распалось. Домъ Оранскій продолжалъ управлять на сѣверѣ, и монархъ сохранилъ титулъ короля Нидерландовъ, тогда какъ югъ сталъ королевствомъ бельгійскимъ. Его первымъ королемъ сталъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій въ 1831 году... Споры возникли изъ за герцогства Люксембургскаго, объявленнаго по лондонскому трактату 1839 г. нейтральнымъ.

Изъ сопоставленія 19 строкъ, удѣленныхъ тремъ царствованіямъ великой державы, и сравнительно большому отрывку, посвященному образованію трехъ второстепенныхъ государствъ, ясна система изложенія книги Фримана. Онъ отмѣчаетъ болѣе отчетливо перемѣны, переходы отъ одной группы историческихъ явленій къ другой. Его исторія занимается больше политическими передѣлами въ плоскости международной, чѣмъ внутренними событіями въ каждой странѣ. Менѣе вниманія удѣлено новѣйшей исторіи. Такъ, русскимъ событіямъ удѣлено (приспособителемъ французскаго изданія) слѣдующее мѣсто:

Конецъ войны (Великой)... совпалъ у нѣкоторыхъ участниковъ ея съ крушеніемъ ихъ старыхъ правительствъ. Въ февралѣ 1917 года царь Николай II отрекся и водворилось республиканское правительство, захваченное въ ближайшемъ октябрѣ мѣсяцѣ большевиками, которыхъ тогда принимали за болѣе крайнихъ соціалистовъ.

Вотъ и все про русскую революцію и положеніе въ Россіи.

Фриманъ считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ историковъ Англіи XIX вѣка. Родился онъ въ 1823 г., умеръ въ 1892. Онъ обладалъ независимыми средствами и всю жизнь посвятилъ трудамъ по археологіи и исторіи, завершивъ свою ученую карьеру профессоромъ оксфордскаго университета по кафедрѣ современной исторіи. Самое извѣстное его сочиненіе «Исторія завоеванія Англіи норманнами». Между своими большими трудами Фриманъ напечаталъ этотъ маленькій конспектъ исторіи Европы, считающійся въ англійскихъ странахъ классическимъ. Послѣднее англійское изданіе (1926 г.), дополненное уже послѣ смерти автора, обрывалось на концѣ Великой войны.

Французское изданіе подвергалось соотвѣтствующей обработкѣ для французскихъ читателей. Книга снабжена 9 картами.

Н. Ч.

О поэзіи Бунина

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ творчествѣ Бунина наступилъ расцвѣтъ, который по справедливости можно назвать и буйнымъ, и пышнымъ. Послѣ «Господина изъ Санъ-Франциско» Буninъ выдвинулся на первое мѣсто среди современныхъ русскихъ прозаиковъ. Нынѣ оно принадлежитъ ему по праву.

Почти всѣ эти годы совпали съ эпохой эмиграціи. Эмиграція сдѣлала Бунина своимъ любимцемъ. Если не ошибаюсь, М. О. Цетлинъ впервые заговорилъ о Буninѣ, какъ объ очень крупномъ писателѣ. Вслѣдъ затѣмъ, на самой зарѣ эмигрантской литературы, одинъ изъ авторитетныхъ ея голосовъ, голосъ З. Н. Гиппіусъ, въ похвалахъ Бунину взялъ наиболѣе высокую ноту (я разумѣю статьи въ бурцевскомъ «Общемъ Дѣлѣ»).

Однако, всѣ обстоятельныя высказыванія о Буninѣ (такъ же, какъ упомянутыя статьи З. Н. Гиппіусъ) были посвящены его прозѣ. Со стихами Буninъ выступалъ рѣдко и мало. Къ тому же поэзія — область нѣсколько «спеціальная»; о стихахъ Бунина почти не писали, а что писали, то не всегда основано было на знаніи предмета. Выражались больше эмоціи, нежели мысли. Наблюденія уступали мѣсто восклицаніямъ: — «Что за звуки! Какая кисть!» и т. п. Или въ еще болѣе общей формѣ: «Какая поэзія!».

Такъ обстояло дѣло до недавняго выхода «Избранныхъ стиховъ» Бунина, изданныхъ «Современными Записками».

Можно бы многое возразить противъ того, какъ составлена эта книга. Мнѣ кажется прежде всего, что въ нее не вошли нѣкоторыя изъ лучшихъ стихотвореній Бунина — и попали пьесы гораздо менѣе удачныя; затѣмъ — разныя стороны буninской поэзіи здѣсь представлены врядъ ли въ ихъ вѣрномъ соотношеніи. Но не будемъ вдаваться въ подробности на сей счетъ; оставимъ «методологію». Хорошо что, какъ бы то ни было, книга издана. Мысленно перешагнемъ за ея предѣлы — пусть она будетъ лишь поводомъ побесѣдовать о поэзіи Бунина вообще. Побесѣдовать, разумѣется, кратко, схематически, можетъ быть, даже, — съ извѣстной односторонностью, потому что, увы, въ газетной статьѣ большая литературная тема не можетъ быть во всей полнотѣ ни исчерпана, ни даже поставлена. Приходится ограничиться лишь общими очертаніями, многое сокращать и, что еще досаднѣе, упрощать.

***

Ранніе поэтическіе шаги Бунина совпадаютъ съ началомъ того движенія, которое само себя назвало символизмомъ (хотя въ тѣ времена еще не являлись какъ разъ тѣ изъ его участниковъ, къ которымъ названіе символистовъ наиболѣе приложимо: Бѣлый, Блокъ, Вячеславъ Ивановъ). Не знаю, что именно сблизило молодого Бунина съ этой группой, но сближеніе такое — фактъ: его нельзя ни отрицать, ни упускать изъ виду. Главной причиной былъ, вѣроятно, просто общій поэтическій возрастъ. Какъ бы то ни было, брюсовскіе дневники конца девяностыхъ годовъ показываютъ намъ Бунина въ средѣ Бальмонта, Балтрушайтиса, самого Брюсова и др. На первыхъ порахъ, очевидно, такой союзъ казался естественнымъ для обѣихъ сторонъ. Не совсѣмъ представляю себѣ, что происходило на его глубинѣ; внѣшнимъ образомъ, онъ, однако же, былъ отчетливо выраженъ тѣмъ, что первый буninскій сборникъ стиховъ «Листопадъ» появился въ изданіи «Скорпіона» — подъ эгидою Брюсова. Это было въ 1901 году.

Разрывъ, однако, послѣдовалъ очень скоро. Надо замѣтить, что для символистовъ то было время ожесточенныхъ литературныхъ схватокъ и рѣзкаго раздѣленія всѣхъ окружающихъ на друзей и враговъ. То, что буninскій сборникъ былъ изданъ символистскою цитаделью какъ разъ наканунѣ разрыва, показываетъ, что символисты до послѣдней минуты либо считали Бунина своимъ, либо надѣялись, что трещина не глубока и скорѣе должна срости, нежели углубиться. Слѣдовательно, разрыва захотѣлъ прежде всего самъ Буninъ. Въ тѣ именно дни возникли скорпіоновскіе альманахи — Буninъ въ нихъ уже не участвовалъ. Не символисты, а онъ почувствовалъ первый, что союзъ неестественъ. Это дѣлало честь его проницательности и твердости.

Посмотримъ теперь, каковы были причины этого разрыва (я разумѣю, конечно, причины литературныя) и каковы его слѣдствія.

***

Вѣроятно, молодой Буninъ, одинъ изъ послѣднихъ питомцевъ совсѣмъ иной, по мѣщичьей культуры, почти сразу почувствовалъ себя чужимъ среди московскихъ символистовъ — первенцевъ россійскаго урбанизма и fin de siècle'я. Ему, человѣку гораздо болѣе «земляному» и здоровому, особенно рѣзко должны были броситься въ глаза тѣ внутреннія пороки, съ которыми символизмъ родился на свѣтъ и которые въ совокупности можно бы назвать декадентскою стороной символизма. Именно декадентство, со всѣми его бытовыми и литературными проявленіями, было для Бунина всего очевиднѣе въ символизмѣ — и чѣмъ очевиднѣе, тѣмъ несноснѣе. Это и привело къ разрыву.

Замѣчательно: символизмъ очень скоро самъ ощутилъ, что декадентство есть ядъ, бродящій въ его крови. Всѣ послѣдовавшія гражданскія войны внутри его — были не чѣмъ инымъ, какъ борьбою здоровыхъ, символистскихъ началъ съ больными, декадентскими. Вся бѣда была въ томъ, что и самые чистые символисты были въ той или иной степени отравлены тѣмъ же декадентствомъ. Вполнѣ преодолѣть въ себѣ декадентство не удалось ни Андрею Бѣлому, ни Вяч. Иванову, ни даже Блоку*).

Если бы Буninъ, хотя бы на краткій срокъ, не прикоснулся къ символистскому кружку, его можно было бы принять за поэта до-символистской поры, или, съ поправкой на хронологію, за поэта, прошедшаго стороной, мимо символизма. Въ дѣйствительности это не такъ — да и не могло быть такъ. Появленіе символизма было неизбѣжно, и въ началѣ девятисотыхъ годовъ онъ сталъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ опредѣляющимъ явленіемъ русской поэзіи. Можно было его принять или отвергнуть, быть съ нимъ или противъ него. Остаться внѣ борьбы могли только существа литературно безвольныя, мертвыя. Изъ всѣхъ крупныхъ русскихъ поэтовъ одинъ Буninъ пошелъ противъ.

***

Въ качествѣ теоретика Буninъ не выступалъ никогда. Въ этомъ смыслѣ онъ не противопоставилъ символизму ничего. Однако, онъ и не ограничился пассивнымъ «непріятіемъ». Буninъ не просто окопался на до-символистскихъ позиціяхъ. Буninская поэтика, если въ нее всмотрѣться, на всемъ своемъ протяженіи (послѣ ювенилій 1886-1900 гг.) представляется послѣдовательной и упорной борьбой съ символизмомъ. Эта борьба была тѣмъ болѣе героической, что Буninъ оказался одинъ и не побоялся глубокихъ ранъ, которыя она ему нанесла. Онъ вырвалъ (или стремился вырвать) изъ своего творчества все, что могло въ немъ быть общаго съ символизмомъ. Но въ символизмѣ пороки срослись неразрывно съ добродѣтелями, неправда съ правдой. Разъ навсегда отвергнувъ неправды символизма, Буninъ заодно отказался и отъ нѣкоторыхъ насущныхъ правдъ и возможностей, если не впервые открытыхъ, то все же глубоко усвоенныхъ и декларированныхъ именно символизмомъ. Чтобы представить это во всей полнотѣ, понадобилось бы много страницъ. Я ограничусь лишь самымъ существеннымъ и наглядными.

Для символистовъ дѣйствительность была покрываломъ, маской, скрывающей иную, болѣе подлинную реальность, разоблаченіе которой совершается путемъ преображенія дѣйствительности въ творческомъ актѣ. Личность художника признавалась единственнымъ возможнымъ реактивомъ такого процесса. Отсюда — крайній субъективизмъ символистовъ, какъ положительный тезисъ ихъ программы, а какъ отрицательный — непріятіе всякаго искусства, воспроизводящаго дѣйствительность непреображенной.

Пейзажъ — пробный камень въ изображеніи дѣйствительности. Именно въ этой области Буninъ особенно упор-

*) Акмеисты, вышедшіе изъ символизма и начертавшіе на своемъ знамени преодолѣніе его, добились болѣе отчетливыхъ результатовъ. Но они боролись именно и только съ символизмомъ, съ началомъ здоровымъ, и въ концѣ концовъ выработали изъ себя чистѣйшихъ декадентовъ. Въ этомъ смыслѣ они всего ближе къ Брюсову, который эволюціонировалъ скорѣе отъ символизма къ декадентству, нежели наоборотъ.

Печать

Рѣзкій, безтактный тонъ и командирскіе окрики, которые усвоила себѣ «молодежь» изъ еженедѣльника «Наше Знамя», вызвали возмущеніе на съѣздѣ Національнаго союза русской молодежи въ Болгаріи.

Съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію:

Делегатскій съѣздъ Н. С. Р. М., состоявшійся 28 іюля с. г., въ г. В.-Тырново (Болгарія), не находитъ возможнымъ обойти молчаніемъ выступленіе «Нашего Знамени», поскольку поднятая имъ кампанія ведется отъ лица «молодыхъ силъ».

Съѣздъ находитъ вреднымъ для общенаціональнаго дѣла освобожденія Россіи, шумиху, поднятую на страницахъ «Нашего Знамени», считаетъ своимъ долгомъ заявить, что относится съ полнымъ осужденіемъ къ такимъ страннымъ способамъ проведенія идей «объединенія» и «усиленія активности» эмиграціи.

Н. С. Р. М., преклоняясь передъ безконечной доблестью и самоотверженностью героевъ, павшихъ во имя спасенія національной чести Россіи, въ пути избранномъ Р. О. В. С. и главой его, видитъ продолженіе неумирающей, стоящей внѣ классовъ и партій — бѣлой борьбы.

Предсѣдатель съѣзда
Докторъ **Злобинъ.**
Секретарь **Е. Гарькавенко.**

***

Польскіе соціалисты пріѣхали въ гости къ московскимъ соціалистамъ и москвичи, въ лицѣ делегата Миронова, такъ привѣтствовали дорогихъ гостей:

Я привѣтствую делегацію польскихъ рабочихъ и крестьянъ. Неважно, что среди делегатовъ есть члены ППС, той партіи, вожди которой занимаются предательствомъ, важно, что всѣ делегаты рабочіе и крестьяне. Важно, что черезъ нихъ намъ удастся укрѣпить связь съ пролетаріатомъ и крестьянствомъ Польши. («Трудъ»).

Покойный поэтъ Сафоновъ, работавшій въ газетѣ Нотовича, «Новости», бывало, уходя изъ редакціи, послѣ работы, такъ прощался съ товарищами:

— Ну, господа, будьте прокляты. Я домой пойду.

Въ этомъ родѣ привѣтствуютъ иноземныхъ товарищей и хлѣбосольные москвичи:

— Это не важно, что среди васъ есть предатели... Но, во всякомъ случаѣ, милости просимъ....

И это называется «укрѣпить связь съ пролетаріатомъ»...

***

«Руль» сообщаетъ, что на Украинѣ большевики произвели рядъ обысковъ у самостійной интеллигенціи.

Обыски эти привели къ аресту свыше 60 человѣкъ, преимущественно изъ интеллигенціи. Въ Кіевѣ, между прочимъ, арестованы: директоръ 1-й «трудшколы» имени Шевченко, Дурдуковскій, преподаватель той же школы Билевичъ и инженеръ Никольскій. Всѣ названныя лица арестованы по обвиненію въ принадлежности къ тайной антисовѣтской украинской организаціи, связанной съ украинской эмиграціей.

На бумагѣ всѣ «вожди», конечно, признаютъ формулу «вплоть до полнаго отдѣленія».

Но на практикѣ и они понимаютъ, что «самостійность», если она выходитъ за предѣлы борща и варениковъ, очень близка къ государственной измѣнѣ.

***

Даже многоводная, могучая Кама въ сѣтскихъ рукахъ обмелѣла и мѣстами перестала быть судоходной.

Какъ свидѣтельствуетъ «Вечерняя Москва», на Усольской пристани пассажиры, ѣдущіе въ Чердынь, пересаживаются на маленькіе, комариного типа пароходики. И матросы комариныхъ пароходиковъ утѣшаютъ пассажировъ:

— Не печальтесь, зато поѣдемъ какъ! Нашъ проходикъ не только по мелкой водѣ — по росѣ и то ходитъ!

О большевицкихъ «хозяевахъ» можно сказать то, что говоритъ народъ о Касьянѣ-косоглазомъ:

— Касьянъ на что взглянетъ — все вянетъ!...

Скоро, кажется, совсѣмъ прекратится въ Россіи движеніе рѣчного пароходства и начнется «навигація по росѣ».

„Мадонна“ поднесенная папѣ

Въ католическихъ кругахъ Соед. Штатовъ царитъ чрезвычайное возбужденіе. «Мадонна», преподнесенная папѣ, какъ оригиналъ Рафаэля, по случаю пятидесятилѣтія его пастырскаго служенія депутаціей отъ американскихъ католиковъ, — не будетъ висѣть въ галлереѣ Ватикана. Римскіе знатоки оспариваютъ подлинность картины. Эта исторія вызываетъ въ американской католической печати страстные комментаріи, причемъ нѣкоторыя газеты склонны видѣть въ ней величайшій позоръ, когда либо разразившійся надъ американскими католиками.

На чрезвычайномъ собраніи американскихъ католиковъ въ Нью-Іоркѣ четыре мѣсяца тому назадъ было рѣшено поднести папѣ драгоцѣнный подарокъ. Послѣ долгихъ переговоровъ пріобрѣли за 6.000.000 фр. «Мадонну» Рафаэля.

Картина эта была продана однимъ нѣмецкимъ помѣщикомъ во времена инфляціи въ Америку, за сравнительно ничтожную сумму. Она была выставлена затѣмъ въ нью-іоркскомъ музеѣ искусствъ, причемъ въ подлинности ея никто не сомнѣвался.

Нынѣ римскіе знатоки утверждаютъ, что «Мадонна» прекрасно исполненная поддѣлка конца XVIII вѣка. Въ настоящее время американскіе католики намѣрены привезти картину обратно въ Америку и тамъ произвести разслѣдованіе, пригласивъ на спеціальную конференцію виднѣйшихъ знатоковъ искусства.

Ожерелье Рози Долли

Какъ извѣстно, постановленіе парижскаго суда о наложеніи ареста на семимилліонное колье, купленное американскимъ милліардеромъ въ подарокъ извѣстной танцовщицѣ Рози Долли, не оплаченное и затѣмъ неизвѣстно куда исчезнувшее, произвело благотворное дѣйствіе на память балерины: въ то время, какъ она отвѣчала на многочисленныя телеграммы ювелира съ ссылкой на то, что «ожерелье находится гдѣ-то въ сундукѣ, а гдѣ — неизвѣстно» — послѣ постановленія суда, она немедлено явилась къ комиссару своего участка и вручила ему драгоцѣнности.

Оба ювелира, которымъ принадлежало колье, были вызваны полиціей для полученія принадлежащихъ имъ жемчуговъ. Оказалось, что изъ 160 жемчуговъ не хватаетъ 48. Артистка объяснила это тѣмъ, что она неоднократно передѣлывала всѣ свои драгоцѣнности, и что недостающія жемчужины могли оказаться нанизанными на другое колье.

Ювелиры потребовали предъявленія имъ всѣхъ прочихъ драгоцѣнностей Рози Долли. Своихъ жемчужинъ среди нихъ они, однако, не опознали.

Судебный слѣдователь Ордоно, которому оно поручено, приметъ сегодня рѣшеніе въ отношеніи танцовщицы, надъ которой попрежнему тяготѣетъ обвиненіе въ мошенничествѣ.

Послѣ сорока лѣтъ молчанія

На дняхъ въ Мадридѣ умерла на 67 году жизни вдова испанскаго гранда Себраліесъ, въ жизни которой сорокъ лѣтъ назадъ случилась драма, взволновавшая все испанское общество. Два дня послѣ свадьбы, Себраліесъ былъ найденъ въ саду своей виллы съ ножевой раной въ спинѣ; слѣдствіе такъ и не обнаружило виновнаго. Молодая вдова съ тѣхъ поръ заперлась въ своей виллѣ, никогда не выходила, не принимала никого, и даже пищу получала черезъ окно. Всѣмъ ея богатствомъ, достигающимъ огромной суммы — въ сто милліоновъ франковъ, завѣдывалъ старый управляющій, время отъ времени передававшій затворницѣ отчеты.

На прошлой недѣлѣ служители замѣтили, что въ теченіе нѣсколькихъ дней старуха не принимаетъ поставленныхъ у ея окна блюдъ. На стукъ въ дверь никто не отвѣчалъ. Вызванная полиція проникла въ виллу и нашла на постели трупъ вдовы Себраліесъ.

Вскрытіе завѣщанія произвело въ Мадридѣ и во всей Испаніи сенсацію: оказывается, убійство гранда было дѣломъ рукъ его жены.

Произошло оно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

На третій день послѣ свадьбы молодая жена, вышедшая за Себраліеса по страстной любви, увидала, какъ ея мужъ обнимаетъ горничную; въ отвѣтъ на упреки жены, Себраліесъ отвѣтилъ насмѣшкой, повернулся и направился въ садъ; не помня себя отъ обиды, молодая жена схватила со стола старинный книжалъ, бросилась за мужемъ, и ударила его въ спину.

Послѣ погребенія убитаго, вдова Себраліесъ рѣшила искупить свое преступленіе добровольнымъ затворничествомъ въ теченіе всей жизни. Свою тайну она открыла лишь послѣ смерти.

Ребенокъ изгрызанный крысой

Въ парижскомъ госпиталѣ Бодело, въ палатѣ роженицъ, огромная крыса забралась ночью въ кроватку новорожденнаго младенца и стала грызть его голову.

Проснувшаяся мать не въ состояніи была отогнать грызуна и позвала на помощь. но и сбѣжавшіеся служителя тщетно пытались оторвать разсвирѣпѣвшее животное отъ ребенка. Наконецъ, врачъ госпиталя убилъ крысу выстрѣломъ изъ револьвера.

У ребенка во многихъ мѣстахъ изгрызана кожа до кости. Щеки его сильно искусаны, но жизни опасность не грозитъ.

Персоналъ госпиталя разсказываетъ, что въ зданіи имѣется много огромныхъ крысъ, и что случаи нападенія ихъ на дѣтей уже бывали. При этомъ, грызуны всегда въ первую очередь набрасываются на голову и на глаза.

Исчезающіе въ Парижѣ

Въ «Возрожденіи», въ связи съ убійствомъ женщины, разрѣзанный на куски трупъ которой былъ найденъ въ Марнѣ, уже сообщалось о томъ, что за послѣдніе мѣсяцы въ полицію поступило свыше 4000 заявленій о пропавшихъ дѣвушкахъ. Нынѣ префектура приводитъ цифры еще болѣе разительныя.

Оказывается, въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ, исчезаетъ въ теченіе года, въ среднемъ, 15.000 человѣкъ, т. е. свыше тысячи въ мѣсяцъ. Всѣ исчезающіе могутъ быть раздѣлены на двѣ основныя группы: несовершеннолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ.

Среди несовершеннолѣтнихъ преобладаетъ женскій элементъ: на одного бѣжавшаго изъ дому юношу приходится четыре дѣвушки. Причина бѣгства у послѣднихъ почти всегда — романическая. По истеченіи нѣкотораго времени, большинство ихъ является домой. Мальчики же бѣгутъ изъ любви къ приключеніямъ. Среди нихъ процентъ возвратившихся еще выше, чѣмъ среди дѣвушекъ.

Что касается совершеннолѣтнихъ, то здѣсь отношеніе обратное: на трехъ исчезнувшихъ мужчинъ, приходится одна женщина. Процентъ найденныхъ не превышаетъ 25—30. Это не значитъ, что всѣ остальные погибаютъ отъ руки убійцы: большинство ихъ преспокойно живетъ въ Парижѣ, не желая, по тѣмъ или инымъ причинамъ, сообщать роднымъ своего адреса.

При отсутствіи во Франціи паспортной системы и обязательной регистраціи, любой французъ можетъ при желаніи безслѣдно раствориться въ пятимилліонномъ парижскомъ населеніи. По подсчетамъ полиціи, изъ 15.000 исчезнувшихъ, всего 100 становятся жертвами преступленій.

Бунтъ на кораблѣ

На дняхъ на борту французскаго коммерческаго парохода «Гетари», стоявшаго въ испанскомъ портѣ Ферроль, вспыхнулъ бунтъ экипажа. Не имѣя возможности справиться съ пьяными матросами, капитанъ обратился за помощью къ испанскимъ портовымъ властямъ. — Прибывшіе на пароходъ жандармы арестовали зачинщиковъ бунта.

24 часа спустя въ портъ прибыла французская канонерка «Ремиремонъ», офицеры котораго получили отъ высшихъ властей приказаніе составить военный судъ и разобрать дѣло о бунтѣ на «Гетари».

Судъ состоялся вечеромъ того же дня — зачинщики приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки.

УБІЙСТВО МУЖА

Вблизи Марселя обнаруженъ въ заброшенной хижинѣ обугленный трупъ чеха, Ябрусскаго, владѣльца кабачка, усиленно посѣщаемаго рабочими-иностранцами.

Разслѣдованіемъ установлено, что Ябрусскій былъ убитъ своей женой, при соучастіи любовника послѣдней, чеха Господажика. Убійцы вынесли трупъ за городъ и сожгли его на кострѣ.

На первомъ допросѣ Ябрусская и Господажикъ приписывали другъ другу иниціативу преступленія.

ВОЗДУШНАЯ КАТАСТРОФА

Военный аэропланъ, поднявшійся съ аэродрома Ташикава, около Токіо, и имѣвшій на борту восемь чиновъ военной воздушной инспекціи, упалъ съ высоты 300 метровъ и разбился.

Шесть офицеровъ убито на мѣстѣ, въ числѣ ихъ генералъ Сунесабуро, начальникъ оперативнаго отдѣла, и его помощникъ, полковникъ Фуйіота. Остальные двое — полковникъ генеральнаго штаба Фукаяма и летчикъ унтеръ-офицеръ скончались въ госпиталѣ.

LA
REMINGTON PORTATIVE
РАЗСРОЧКА 87.50 фр. ВЪ МѢСЯЦЪ
Машинка удобная
У васъ дома
Въ конторѣ
Въ дорогѣ

Заполните прилагаемый купонъ и Вы получите безплатно всѣ дополнительныя свѣдѣнія.

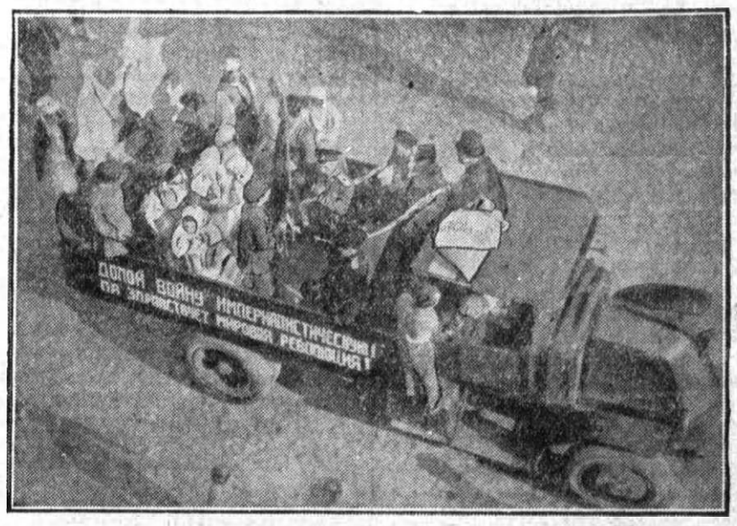
Прошу прислать Вашъ Каталогъ и условія продажи, безъ обязательствъ съ моей стороны.

Имя ..... Адресъ .....

Послать въ заклеенномъ оплаченномъ письмѣ:

REMINGTON TYPEWRITER C° S. A., 20, RUE CAUMARTIN, PARIS 12, RUE EDOUARD, VII,

Красный день въ Москвѣ



Долой войну и да здравствуетъ красная военизація (или, какъ пишутъ большевицкіе грамотѣи, «воинезація»).

ЛИШЕНЦЫ

Пленумъ секціи труда постановилъ лишить права на полученіе пенсій и пособій лицъ, принадлежащихъ къ «бывшимъ людямъ», хотя бы они имѣли восьмилѣтній трудовой стажъ.

Исключеніе сдѣлано для показавшихъ свою особую преданность интересамъ рабочаго класса.

ВЕРХЪ НАХАЛЬСТВА

Балашовская газета «Борьба» сообщаетъ жуткій фактъ возмутительной наглости одного кооперативнаго приказчика:

Въ Гусевскомъ п. о. приказчикъ **безъ вѣдома правленія** укралъ 1.500 рублей кооперативныхъ денегъ...

(«Крок.».)

ствуетъ противъ символистовъ. Для символиста природа — сырой матеріалъ, который онъ подвергаетъ переработкѣ. Начинающій Брюсовъ заявляетъ прямо:

Создалъ я грезой моей
Міръ идеальной природы.
О, какъ ничтожны предъ ней
Степи, и скалы, и воды!

Символистъ — создатель своего пейзажа, который всегда расположенъ панорамой вокругъ него. Бунинъ смиреннѣе и цѣломудреннѣй: онъ хочетъ быть созерцателемъ. Онъ благоговѣйно отходитъ въ сторону, прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы воспроизвести боготворимую имъ дѣйствительность наиболѣе объективно. Онъ пуще всего боится какъ-нибудь ненарокомъ «пересоздать» ее. Но символистъ, изображая не міръ, а въ сущности самого себя, въ каждомъ произведеніи достигаетъ цѣли сразу и вполнѣ. Суживая заданіе, онъ расширяетъ свои возможности. Несомнѣнно, что бунинскій пейзажъ правдивъ, точенъ, живъ и великолѣпенъ такъ, какъ ни одному символисту не грезилось. Но отъ Бунина множественность явленій требуетъ такой же множественности воспроизведеній, что неосуществимо. Качество бунинскихъ возсозданій само по себѣ еще не приводитъ къ цѣли: оно требуетъ подкрѣпленія количествомъ, теоретически говоря — безпредѣльнымъ. Заданіе Бунина становится необъятно, какъ міръ, и ведетъ къ тому, что для личности художника мѣста не остается. Чувство Бунина едва обрѣтаетъ возможность прорваться наружу; оно обозначается въ мимолетномъ замѣчаніи, въ намекѣ, чаще всего — въ лирическомъ концовкѣ. Но иногда не бываетъ и концовки. Изъ своей лирики Бунинъ изгналъ сильнѣйшій ферментъ лиризма. Это и есть причина того, что Бунина называютъ холоднымъ. Въ дѣйствительности онъ не холоденъ: онъ цѣломудренъ. Отвертываясь отъ тѣхъ возможностей, которыя именно символизмъ подносилъ ему въ готовомъ, такъ сказать, видѣ, Бунинъ врядъ ли исходилъ изъ отвлеченныхъ идей и осознанныхъ поэтическихъ принциповъ. Вѣрнѣе всего, что стыдливость чувства была тутъ причиной.

***

Новыя задачи, поставленныя символизмомъ, открыли для поэзіи также и новыя права. Подсказаны были новыя темы, была перестроена система образовъ, многія условности отброшены, поэзія обрѣла новую свободу. Бѣсъ декадентства, неразлучный съ символизмомъ, спѣшилъ превратить свободу въ разнузданность, оригинальность въ оригинальничаніе, новизну въ кривленіе. Надъ одними символистами онъ имѣлъ меньшую власть, надъ другими большую. Были и одержимые имъ всецѣло. Теперь символизмъ уже въ прошломъ, но запоздалыя «странности» и «нежданности», всѣ эти ужимки и прыжки декадентскихъ старичковъ, мы порою еще наблюдаемъ. Мы научились къ нимъ относиться съ усмѣшкою сожалѣнія. Дѣло совсѣмъ иначе обстояло лѣтъ тридцать тому назадъ. Декадентскій соблазнъ былъ въ особенности силенъ. Ему подпадали не только изъ моды, но и потому, что самое декадентство казалось благомъ: его не умѣли еще отдѣлять отъ символизма. Нужна была большая проницательность, что бы **тогда** понять, какъ декадентство смѣшно и противно. Бунинъ понялъ. Его бѣгство изъ «Скорпіона» было бѣгствомъ отъ декадентщины и подсказывалось, конечно, тѣмъ же все цѣломудріемъ, — стыдомъ и отвращеніемъ, которые въ немъ всегда вызываетъ всякое кривляніе, всякая художественная дешевка.

Но крайностямъ декадентовъ онъ противопоставилъ слишкомъ большую уравновѣшенность чувства; ихъ прихотливости — слишкомъ законченную послѣдовательность мысли; ихъ стремленію къ необычайности — нарочитую, подчеркнутую простоту; ихъ парадоксамъ — явную неопровержимость утвержденій. Чѣмъ больше субъектъ символистской поэзіи хочетъ быть исключительнымъ, тѣмъ больше субъектъ поэзіи бунинской старается быть нормальнымъ. Весною онъ счастливъ, ночью задумчивъ, на кладбищѣ печаленъ и т. д. Онъ говоритъ слишкомъ ровнымъ голосомъ и словно стремится походить на того нѣсколько абстрактнаго, но безукоризненно правильнаго «человѣка», котораго изображаютъ въ атласахъ. Но иногда Бунинъ прорываетъ эту стѣснительную оболочку — и тогда мы видимъ, какія спрятаны подъ ней возможности настоящаго, не дѣланнаго своеобразія.

***

Форма не отдѣлима отъ содержанія. Этотъ законъ былъ равно усвоенъ всѣмъ символизмомъ, включая и декадентовъ. И символисты, и декаденты одинаково поняли, что эволюція содержанія есть въ то же время эволюція формы. Слѣдствіемъ этого была напряженная формальная работа, произведенная символизмомъ на всемъ его протяженіи. Элементы формы были приведены въ движеніе, разработаны и выдвинуты изъ тыла поэзіи на ея передовыя линіи. Форма перестала быть безотвѣтственной вспомогательной частью и вновь, какъ въ золотой вѣкъ русской поэзіи, стала дѣйствующей, отвѣтственной. Но именно потому, что она не отдѣлима отъ содержанія, всѣ крайности и пороки символизма сказались и въ этой области, приведя зачастую къ изощренности ради изощренности, къ неоправданнымъ вычурамъ и дешевымъ блесткамъ.

Бунинъ остался вѣренъ своему контръ-символизму. Онъ какъ бы вновь отвелъ форму въ тылъ, затушевавъ ее, лишивъ самостоятельной жизни и доведя ея простоту до крайности. Задачи бунинской формы сведены къ обслуживанію чистой, отвлеченной отъ содержанія эвфоніи. Въ сравненіи съ символистами Бунинъ какъ бы «ставитъ форму на мѣсто»: онъ снижаетъ ея роль, урѣзываетъ ея права, не даетъ ей становиться частью содержанія. Бунинъ, такъ сказать, отводитъ ей совѣщательную роль, тогда какъ символисты уравняли ее въ правахъ съ содержаніемъ. Бунинъ не вѣритъ въ то, что форма способна служить не только вмѣстилищемъ мысли, но и выражать самую мысль, и тутъ онъ лишаетъ себя сильнаго и важнаго оружія. Его форма, конечно, безукоризненна. Больше того: она благородна и сдержана въ высшей степени, она спасаетъ Бунина отъ какихъ бы то ни было дешевыхъ эффектовъ, которыхъ не мало найдется у декадентовъ. — но нельзя не признать, что Бунинъ сознательно лишилъ ее многихъ существенныхъ возможностей. Связавъ свою форму, Бунинъ отчасти связалъ себя.

***

Въ условіяхъ русской поэзіи XX вѣка нельзя было безнаказанно отвергнуть весь символизмъ, отбросивъ всѣ его правды вмѣстѣ съ неправдами. Бунинъ поставилъ передъ собою рядъ трудностей непреодолимыхъ. Я былъ бы неоткровененъ, т. е. недобросовѣстенъ, если бы не указалъ на тѣ строгія и съ моей точки зрѣнія не всегда справедливыя ограниченія, которымъ Бунинъ сознательно подвергъ свою музу. Но я не могу не воздать должнаго тому послѣдовательному, суровому и мужественному аскетизму, которому Бунинъ подчинилъ свою поэзію, разъ навсегда отказавшись отъ всего, что представлялось не достаточно достойнымъ или слишкомъ суетнымъ. Бунинъ всегда шелъ по линіи наибольшаго сопротивленія. Пусть я не раздѣляю многихъ мотивовъ бунинскаго самоограниченія — все же я не могу не признать, что во многихъ онъ оказался правъ.

Но этого мало. Не раздѣляя принциповъ бунинской поэзіи (напрасно сталъ бы я притворяться, что ихъ раздѣляю: мое притворство было бы тотчасъ и наиболѣе наглядно опровергнуто хотя бы моими собственными писаніями),—я все же хочу сказать, что существуетъ нѣчто, переступающее всѣ принципіально-поэтическія барьеры: это — самый фактъ бунинской поэзіи, тотъ прекрасный фактъ, что, какъ всякая подлинная поэзія, она порою заставляетъ позабывать всѣ «школьныя» расхожденія и прислушивается къ ней просто. Вотъ, я раскрываю «Избранные стихи» и читаю:

Льетъ безъ конца. Въ лѣсу туманъ.
Качаютъ елки головою:
«Ахъ, Боже мой!»—Лѣсъ точно пьянъ,
Пресыщенъ влагой дождевою.

Въ сторожкѣ темной, у окна,
Сидитъ и ложкой бьетъ ребенокъ.
Мать на печи, — все спитъ она,
Въ сырыхъ сѣняхъ мычитъ теленокъ.

Въ сторожкѣ грусть, мушиный гулъ...
— Зачѣмъ въ лѣсу звенитъ овсянка,
Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ
И травы ярки, какъ медянка?

— Зачѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя,
Томясь всѣмъ міромъ и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбитъ о подоконникъ ложкой?

Мычитъ теленокъ, какъ нѣмой.
И клонятъ горестныя елки
Свои зеленыя иголки:
«Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!».

Стиховъ такой сдержанной силы, такой тонкости и такого вкуса не мало у Бунина. Признаюсь, для меня передъ такими стихами куда-то въ даль отступаютъ всѣ «расхожденія», всѣ теоріи, и пропадаетъ охота разбираться, въ чемъ правъ Бунинъ и въ чемъ не правъ, потому что побѣдителей не судятъ. Въ своей поэзіи Бунинъ сумѣлъ сдѣлать много прекраснаго. Какъ не быть ему благодарнымъ?

Владиславъ Ходасевичъ.